

© 1994 г.

П.Н. ЛУКИЧЕВ, А.П. СКОРИК

ФАЛЛИЧЕСКИЙ КУЛЬТ: СОЦИОИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

ЛУКИЧЕВ Павел Николаевич — кандидат философских наук, младший научный сотрудник кафедры социологии и психологии Новочеркасского государственного технического университета. СКОРИК Александр Павлович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры истории того же вуза.

Исследователи древнейшей человеческой истории давно обратили внимание на свидетельства определенного культа, связанного с матрональной идеей. Этот культ выражается в непреодолимом стремлении наших предков к осмыслению в своем творчестве женского начала. В местах, отдаленных друг от друга тысячами километров, встречаются скульптурные изображения обнаженного тела женщины. Сей феномен получил в археологии название «первобытной Венеры». В ее образе прежде всего подчеркивалась специфика половых признаков. Маленькие каменные, костяные и глиняные фигурки наделялись крутыми бедрами, объемной грудью, выпуклым животом и лобковым треугольником с четко указанным отверстием влагалища, как символами деторождения и продолжения рода.

До настоящего времени в науке принято объяснение феномена «первобытной Венеры», которое можно назвать естественным и/или одномерным. Одномерность толкования сводится к тому, что господство матриархального (точнее, уксорилокального) принципа социальной организации приводит к становлению и выделению в качестве самостоятельной сакральной идеи — идеи матери-прародительницы. По всей видимости, немаловажную роль в этом играло наступление эпохи подавленной сексуальности и табуированного полового поведения, столь характерного для homo sapiens. Во всяком случае, «венерианское» изобразительное творчество, безусловно, выступало своего рода культурной сублимацией сексуального ощущения.

С другой стороны, благодаря подобным изображениям осуществлялся процесс социально-психологической самоидентификации членов родовой общины по социальным признакам, производным в ту пору исключительно от физиологических. Очевидно, что такая самоидентификация по признаку пола должна была, таким образом, породить не только культ женщины-матери, женского, иначе говоря, матронального начала, но и противоположный ему культ фаллоса.

Действительно, самопознание человека, постижение им своей биологической и социальной природы не могло осуществляться помимо проявления интереса к своему и противоположному полу, к особенностям строения гениталий. Чувственно-физиологические впечатления в сублимированном виде находили знаковое выражение в своеобразной первозданной духовности. Можно также предполагать воплощение уже в древнейших орудиях труда, сделанных человеком, как бы самой природой подсказанной идеи, зафиксированной в их форме, равно как и в модусе действия (от первобытного рубила и палки-копалки до костяной иглы). По крайней мере, совершенно достоверно, что возникновение земледелия и сопровождавших его обрядов соединилось с представлением о сексуальных переживаниях и сексуальных отношениях. Это находило отражение в традиции мужского осеменения земли, предшествовавшего собственно засеву распаханного поля, в наделинии обрабатываемой почвы характеристиками женского пола, что оставило яркий след в народном фольклоре. Надо полагать, что особая функция мужской части общины в полевой обработке и засеве была определена не только физиологической спецификой

организма (способностью к кратковременному, но мощному напряжению сил), а и представлениями о сексуальной роли мужчины. Тут же заметим, что вообще в предметах материальной культуры издревле практически постоянно происходит образное соитие (коитус) двух начал, например, сосуд, имеющий отверстие и наполняемый некоторым содержимым, или более современное устройство — ключик-замочек и т.п.

Наряду с первобытными «венерами», археологи неоднократно обнаруживали предметы ритуально-культового обихода, которые с трудом поддаются нефаллической интерпретации. Скажем, роговая скульптура из Горж д'Анфер (Франция), получившая название двойного фаллоса. Его головки выполнены в реалистической манере, а остальная часть покрыта символическим орнаментом. (Возможно, двойной фаллос использовался для лесбийской любви.) Однозначна по смыслу и гравюра на кости из Ла Мадлен, представляющая хорошо эректированный фаллос в момент семяизвержения, то ли орнаментированный, то ли выполненный в технике продольного сечения [1]. Нередко встречаемая орнаментация фаллоса на скульптурных изображениях и гравюрах подтверждает предположение, что и в обыденной жизни мужской половой орган служил у древних объектом художественного татуирования, как это наблюдается у современных дикарей и в среде постоянных клиентов пенинциарной системы. А если проанализировать обряды инициации у многих народов мира, то здесь мы обнаружим целую гамму изысков, порой заставляющих содрогнуться человека иной культуры [2].'

В ряде случаев наблюдается соединение мужского и женского начал в стилизованных фигурках. Так называемые «сибирские веныры» со стоянок Мальта и Буреть (Россия) имеют вытянутую фаллическую форму, увенчанную женской головкой. На некоторых из них линии тела почти совсем не обозначены. Нечто подобное встречается и на стоянке Мезино (Украина). Большинство исследователей рассматривает их как символ женщины-матери. Мы же согласны с З.А. Абрамовой, склонной видеть в них явление фаллического культа [1, с. 381]. Так же, на наш взгляд, можно интерпретировать находки в пещерах Пекарна (Моравия), Тюрсак (Франция) и Олкницы (ФРГ), имеющие гинандроморфный (двупольный) вид. В пещере Ла Мадлен найдена галька явно фаллической формы с выгравированными мужчиной и женщиной на противоположных сторонах. По всей вероятности, гинандроморфные образы символизируют единство родовой корпорации. Отдельным находкам исследователи не дают четкого толкования, именуя их просто предметами. Однако специфика формы и особенности орнаментации также позволяют усматривать фаллическую смысловую нагрузку.

По общему виду скульптурных фигурок и повторяющимся особенностям деталей правомерно сделать вывод, что они имели различное функциональное назначение.

Во-первых, фаллические фигурки, бесспорно, служили объектом культового поклонения, условным знаком приходящей извне духовной мощи, физической и психической энергии, проникающих в женское тело посредством фаллоса, превращаясь там в душу будущего человека.

Во-вторых, эти статуэтки, похоже, применялись при родовспоможении, как это наблюдалось еще в XIX веке у северных народов России, когда фаллического вида божок ставился рядом с роженицей и должен был способствовать благополучному разрешению от бремени. Нельзя исключить, что и в более ранние времена повсеместно фаллические фигурки использовались с этой же целью: воздействовать психически, а то и физически на беременную женщину, чтобы вызвать возбуждение и сокращение мышц для облегчения родов (использование эффекта плацебо).

В-третьих, указанные предметы могли применяться при обрядовом осуществлении дефлорации девушек родовой общины. Скульптурный фаллос в этом случае выступал символом рода, члены которого утратили право на инцест. Родовой фаллос со временем приобрел значение символа власти в роду и стал жезлом родоначальника. Отголоски этого обряда сохранились до наших дней. Скажем, в ряде местностей Индии девушка накануне замужества производит самодефлорацию с помощью каменного божества. Если же умирает незамужняя, то жрец храма совершает обряд дефлорации тем же каменным приспособлением.

В-четвертых, не исключена возможность чисто прагматического использования предметов фаллической формы в качестве лубриканта для мастурбации и эротических переживаний. Допустим, при неудовлетворенности женщины половыми партнерами или отсутствии таковых по причине войны, затяжной охоты и т.д.

Можно предположить, по аналогии со скифо-сарматской культурой иную практическую

функцию. Дело в том, что киммерийцы-«доители кобылиц», скифы и сарматы ради повышения удоев молока применяли хитроумное изобретение — полую костяную трубочку, через которую вдували воздух для возбуждения кобылы. Тот же эффект сексуального раздражения мог использоваться и для увеличения истока материнского молока у кормящих женщин, тем более, что кормление грудью в силу ограниченности продуктов питания иной раз продолжалось до 5—7-летнего возраста.

И, наконец, *в-пятых*, вполне может статься, что фаллическими предметами пользовались для садистски жестоких наказаний неисправимо провинившихся членов рода, которые лишались тем самым своей мужской социальной роли. У тех же скифов-сарматов юноша, отказавшийся от военного подвига, долженствующего перевести его в разряд мужчин, обязан был носить женскую одежду и выполнять все женские функции. По Ветхому Завету, «у кого раздавлены ятра или отрезан детородный орган, тот не может войти в общество Господне». Но самой крайней мерой наказания, известной в истории, являлось сажание на кол — казнь, получившая широкое распространение в Сарматии, как в XVI—XVII веках называлась на Западе Речь Посполитая.

Выделение функциональных различий не означает, что фаллические предметы были строго дифференцированы. Им могло быть свойственно и многоцелевое назначение. (Так, соединение первой и третьей из названных функций порождало идею силы власти). Вместе с тем, сами они подвергались стилизации, превращаясь в амулеты и символические украшения, иной раз весьма пикантные. Например, керамическая статуэтка-сосуд, на которой изображен минет (Перу), с ручкой, имеющей вертикальный отвод [3, 156]. А в наши дни у южнокорейских женщин большим спросом пользовалась губная помада в виде фаллоса [4].

Нельзя конечно, исключать и того, что в рисунках, гравюрах и скульптурных композициях проявлялись мотивы, мягко именуемые сегодня «туалетным творчеством». Наблюдаемая ныне заборно-стенная живопись имеет своими истоками творчество древних, которым, так же, как и современным людям, был присущ выплеск сублимированной энергии.

По мере усиления патриархальных тенденций первобытной общины, и в особенности с переходом к производящему хозяйству и вирилокальному принципу социальной организации, такие ритуально-культурные предметы и изображения встречаются все чаще, а их символическое значение все более отделяется от первоначального комплекса эмоциональных переживаний, о чем говорит постепенная стилизация формы. Можно даже определенно сказать*, что вместе с изменением формы происходит трансформация идеи, принимающей смысл силы, могущества родовой власти, и в конечном счете власти вообще. Наиболее, может быть, показательной в этом плане является так называемая «молоточковидная булавка», встречающаяся в захоронениях (погребальных комплексах) катакомбной культуры (II тыс. до н.э.), ассоциируемая археологами с родоначалием. Она изготовлялась из кости теперь уже вымершей рыбы *srugus*. Молоточковидная булавка имела вытянутую сигарообразную форму и украшалась орнаментом ленточных насечек.

Характерно в этом отношении, заметим, наличие у донских казаков вплоть до XX века в качестве основного символа передачи власти атамана — насеки (аналог жезла родоначальника), на которой насечками отмечалось каждое очередное правление. Так же, как и в других случаях, жезл-насека имел стилизованную форму. Возможна и семантическая связь прочерчиваемых на насеке отметок с орнаментированием жезла начальника в родовых обществах.

Идея могущества и власти опредмечивается также в изображениях змеи, царском жезле и скипетре. Она прослеживается и в архитектурном ансамбле средневекового рыцарского замка, обязательным компонентом которого выступает взметнувшаяся ввысь башня.

Фаллос символизировал и общее одухотворяющее начало. Семя считалось воплощением и источником жизненной силы. В древнеиндийской мифологии оно отождествляется с абсолютным идеальным началом, лежащим в основе мироздания. У многих народов кастраты считались социально неполноценными. Оскопить мужчину значило лишить его символа власти и жизни. Половой член поверженного врага зачастую числился почетным воинским трофеем, как скальп у индейцев. (Некий египетский фараон XIX династии, рассказывая о поражении, нанесенном им ливийцам, называет среди трофеев 6 359 половых членов ливийских воинов, а также сыновей и братьев вождей и жрецов [3, с. 226].

Особое значение придавалось эректированному фаллосу, вид которого, согласно верованиям многих народов, должен был внушать окружающим страх и почтение. У австралийских аборигенов мужчины при встрече в знак приветствия дотрагивались до полового члена друг друга. На фресках Тассилии каменного века носители высокого социального

ранга изображены с более длинным фаллосом. Вообще фаллос воспринимался как глубокий религиозный символ. В Древней Греции перед храмами и домами ставили квадратные колонны (гермы) с мужской головой и эректированным половым членом, охранявшие дороги, границы, ворота. Повреждение герм считалось святотатством. Дети носили на шее амулеты в виде фаллоса как средство защиты от зла. А мифологический Приап, божество плодородия и покровитель чувственных наслаждений — изначально собственно фаллос. Его имя стало поэтическим эвфемизмом для обозначения полового члена. Отсюда возник и медицинский термин «приапизм». Древние греки и римляне иногда завязывали крайнюю плоть или применяли специальный зажим — *fibula* (отсюда инфибуляция).

Наряду с прямыми символами силы и могущества широко культивировались и другие, косвенно характеризующие признаки мужского сексуального поведения. Орлы, соколы, львы выступают как тотемический властный атрибут, отражая в своем облике агрессивность, свойственную мужскому эволюционному типу. Показательно, что в начальные периоды становления государственной власти, ее сущность ассоциировалась в сознании людей с мужской потенцией, поэтому социальными ожиданиями правителю предписывалось иметь бесчисленное множество жен и наложниц. Разумеется, в определенной мере это усиливало патернализм, так как не только в общественном мнении, но и в реальности, тем самым, воспроизводились отношения отца—правителя и детей — его подданных. Однако в еще большей степени мужская сила расценивалась как способность к управлению государством, умение поддерживать мощь государственного образования и защищать страну от внешних врагов. Даже египетская царица Хатшепсут, приняв титул фараона, приказала изобразить себя в виде мужчины с искусственной бородкой, и это несмотря на мощные пережитки матриархата в династическом наследовании власти. И в мифологии древних греков Уран — бог неба и первый правитель Олимпа, утратил власть над богами вместе с потерей детородного органа в результате заговора своих сыновей. Младший сын Урана — Крон, который и осуществил эту операцию кривым стальным мечом, стал новым небесным иерархом. Как известно, из капель крови божественного фаллоса родились богини проклятия, кары и мести — эринии (Алекто, Тисифона, Мегера), а из пены, поднятой его падением в море, — богиня любви Афродита.

Восток, сохранивший в цивилизованную эпоху полигамные отношения в виде гаремного брака, вместе с тем донес до наших дней представление о единстве мужской силы правителя и могущества государства. Еще не так давно, на рубеже нового времени и новейшей истории правители Ирана стремились создавать и поддерживать миф о своих сексуальных способностях, используя для этого различные затвердевающие вещества, подобные тому как нынешние женщины Запада применяют их для придания бюсту эстетически желаемой формы.

Этнографически засвидетельствовано, как в некоторых африканских племенах социальный статус мужчины до сих пор определяется величиной полового органа. Но, пожалуй, наиболее показательным в этом отношении выступает индийский фаллический культ, в котором фаллос является объектом обожествления и поклонения. Современному европейскому мышлению, несмотря на десакрализацию многих древних идей и культов, не чуждо сохранение этого архетипа культуры, а подчас даже эпатаж. В качестве курьеза можно привести двадцатидвухметровую статую фаллоса, воздвигнутую на площади Согласия в Париже [5].

Очевидно, что сексуальные переживания, загнанные в подсознание совокупностью официальных культурных табу, пробивают дорогу с помощью введения в межличностное знаковое общение символических образов, высвечивающих их древний смысловой оттенок. Это наглядно прослеживается на взятом для рассмотрения примере семиотики власти. Последняя сама по себе есть более форма, нежели содержание общественных отношений. Содержательная сторона зависит собственно от характера этих отношений, иначе говоря, от того, какое содержание наполняет форму. Власть очерчивает круг взаимосвязей, складывающихся в обществе. Причем очерчивает символами, знаковой системой. Механизм власти не строится только на отдаче приказа и принятии его к исполнению. В нем есть нормы, признанные общественным сознанием, но не фиксируемые оболочкой цивилизации, нормы все же более психологической экзистенции, чем государственного устройства. Стало быть, по преимуществу сфера сознания утрачивает первоначальное образное содержание, а в оставшейся форме присутствует иная идея.

Для европейской культуры характерно постоянное присутствие заимствованного из древнеегипетского социокультурного пространства архитектурного комплекса колонн,

окружающих место священных таинств. Еще более древним проявлением того же архетипа выступают стелы и менгиры. Их фаллическое смысловое родство не вызывает сомнений. То и другое представляется знаковым способом отделения пространства обитания, мыслимого как реальное, от мистического пространства-времени, где происходит общение с потусторонним миром. Ограниченное колоннадой пространство воспринимается осознанно или чаще на бессознательном уровне как часть иного мира, пронизывающего в этом месте реальное пространство-время и отменяющего его логические законы. При этом мистическое пространство-время, осуществляя своего рода насилие над миром реальности, выказывает тем самым мужские свойства. Древними архитекторами, видимо, была подмечена специфика психологического воздействия ансамбля колонн на человека, на его сознание и подсознание. И даже утрата первоначального символического значения не изменила сущности эстетического восприятия архитектурного комплекса и ощущения иностранности его внутреннего пространства. Хронотоп реальности, где действуют законы естественной последовательности и связи событий, будучи обусловлен зрительным восприятием мира и воспроизводством социальных связей, уступает место мистическому. Преступивший его границу, проникает в другой хронотоп мыслимой структуры мира. Даже по сей день, несмотря на иные представления о мистическом пространстве-времени, подсознательно современный человек продолжает воспроизводить названный архетип. Здания общественного значения — «храмы» науки и искусства, «дворцы» высших государственных органов власти — украшаются колоннами, психологически создающими социокультурный эффект вынесенности происходящего внутри них за пределы обыденного.

Человек ставит границы мистическому пространству-времени. Подобно тому как день («deus» — свет, бог) раздвигает мистическое пространство ночи и отгоняет его прочь, так и знаковая сила поставленных в ряд колонн очерчивает и фиксирует место пространственной концентрации. Человеку необходимо чувствовать себя комфортно в мире созданной им реальности. Но его собственное мистическое видение мира мешает осуществлению практической логики. Возникает стремление разграничить пространство-время ясного, известного, не требующего дополнительных, помимо рационального, объяснений, от пространства-времени с неясными, нечеткими и потому домысливаемыми причинно-следственными связями.

Таким способом одно социально-политическое пространство отделяется от другого пограничными столбами. Пересечение отмеченной ими границы вводит человека из одного социокультурного хронотопа в другой. Но если психологическое отношение к государству связано с представлениями о его патерналистской сущности, то отношение к территории обитания все же в большей мере ассоциируется с матрональным началом, а по сути с подсознательным отношением к природной среде — к матери-прародительнице как внешнему человеческому космосу, по Гераклиту — *koinos kosmos*. Поэтому разграничение социальных пространств осуществляется символикой культурного архетипа, который точнее было бы назвать вагинально-фаллическим. Створки, ворота, двери отделяют и одновременно соединяют социальные пространства, а прохождение через них есть своего рода новое рождение, вступление в иной культурный хронотип, иной космос (*ideos kosmos*).

Цивилизация, какой мы ее видим сегодня, есть, с одной стороны, результат подавления фаллического культа, подавления в разные эпохи то более, то менее жесткого, а с другой — прорыв его через все социальные, социально-психологические и социокультурные преграды в трансформированном виде, в виде культурного архетипа в сознание, социальные институты и структурно-функциональные особенности взаимоотношений людей.

Для женщины времен матриархата фаллос исключительно культовый предмет, и величина для нее лично практически значения не имеет, а если и имеет, то чисто религиозное. Для мужчины же времен патриархата фаллос, в первую очередь, предмет самоидентификации и сравнения. Величина изображения дает не только идею могущества, идею власти, но и ощущение неполноценности реального по отношению к мыслимому и в конце концов — ощущение собственной неполноценности. То, что при матриархате было призвано ущемлять мужчину и подавлять в нем властные тенденции, сохраняется и усиливается в условиях отцовского рода. Стилизация же формы «отводит» эмоциональный эффект подавления от личности родоначальника. Увеличение размеров изображения находится в прямой зависимости со стилизацией формы и уходом от первоначальной идеи.

Цивилизация, вырастающая на базе патриархального хозяйства и представляющая собой феномен фаллокрации, в то же время в целях самосохранения осуществляет подавление фаллического культа. Последний в чистом виде сохраняется только в народной (партику-

лярной) культуре, а из официальной культуры вытесняется посредством стилизации изображений, иносказаниями и подменой слов родного языка, приобретающими вульгарный смысл, синонимами, заимствованными из других языков.

Торжество мировых монотеистических религий было и «победой» сознательного над libido. Мусульманский Восток вообще изгнал культ человеческого тела, запретив его изображение. Христианский Запад стыдливо прикрыл наготу Адама фиговым листком. Если в античную эпоху бойцы выходили на ристалища обнаженными, блистая естественной «броней» мускулов, то в средневековье они не только покрыты одеждой, но и придавлены металлическими латами, лишь стилизованно передававшими очертания человеческого тела.

Западный христианский мир особенно преуспел в борьбе с фаллическим культом, чему в немалой степени способствовало насаждение догмата «первородного греха». Однако подавление сексуальности -изгнанием из общественного бытия культа фаллоса имело специфическое влияние на социальную психологию. Следует прямо сказать, что эта «победа» над сексуальностью вообще недостижима, так же, как, скажем, над потребностью дышать. Кроме того, ограниченное подавление фаллического может быть до известных пределов осуществлено лишь в воспитании детей и подростков, оставляя пожизненный след в их психике, заставляя и в детском, и в юношеском, и в зрелом возрасте сублимировать сексуальную потребность.

Между тем, женская и мужская психология исходно, с момента рождения индивида, а по современным исследованиям и в пренатальный период [6], несет диаметрально противоположные компоненты, роль которых более усиливается благодаря искусственному социальному культивированию. Речь идет о таких феноменах как садизм и мазохизм. Массовые проявления садомазохизма известны человеческой истории с незапамятных времен. К ним можно отнести бои гладиаторов, публичные казни, массовые жертвоприношения. Но не нужно представлять дело таким образом, что садизм и стремление к агрессии есть качество чисто мужское, а мазохизм и наслаждение собственной болью — чисто женское. В общем-то и женская, и мужская психика содержит и тот, и другой компоненты, правда, видимо, в разной пропорции. Социокультурная атмосфера, в которой происходит формирование подрастающего поколения, накладывает существенный отпечаток на соразмерность этого соотношения.

Польский сексолог К. Имелинский считает [3, с. 266], что существуют определенные, пока невыясненные связи между садомазохизмом и эмоциональным процессом, определяемым как эротическая любовь. Вероятно, психические страдания как-то способствуют повышению интенсивности эротической любви, страсти и наслаждения, ассоциируемых с любимым человеком. Садизм и мазохизм соотносятся друг с другом как негатив и позитив одной и той же фотографии. Обе эти наклонности могут проявляться по-разному у одного и того же человека в зависимости от периода жизни, внешних обстоятельств и особенностей личности партнера. Думается, каждый из нас не может избежать в своей жизни отдельных демонстраций садомазохизма.

Не следует полагать, однако, что садомазохистский комплекс обязательно проявляется в своем натуральном виде. Отнюдь нет. В условиях «нормального» соотношения подавленной сексуальности и откровенно сексуального поведения садомазохистский комплекс носит сублимированный характер. Садизм сам по себе не есть только жестокое физическое насилие и наслаждение чужой болью. В мягких формах он выступает как оскорбительное, вызывающее поведение, унижение словом, ситуативным действием, когда человека ставят в морально неловкое или унижительное положение. То же можно сказать относительно мазохизма, который допустимо трактовать как ситуативное действие — наслаждение от морального (финансового, материального) самоуничтожения, от ущемления в удовлетворении естественных потребностей организма и т.п. Для истории России названные девиации выступают в качестве всеобщей связи социокультурного пространства. Впрочем, это предмет отдельного исследования.

У древних народов практически повсеместно бытовал культ удачи, которая представлялась как некая потусторонняя сила. Причем, удача мыслилась как сопутствующая избранным индивидам и, наоборот, как отворачивающаяся от тех, кому она неподвластна, несмотря на их стремление «схватить ее за волосы». (Последнее выражение пришло к нам от древних греков, которым удача представлялась в виде бегущей богини Тихе, имеющей волосы только спереди. Вот почему если удача пробежала мимо, ее уже не схватишь.) Видимо, в этих первобытных языческих верованиях находило отражение реальное соотношение наличествующего в индивидуальной психологии садомазохистского комплекса.

Достаточно явственно этот древний культ обозначен и в современном сознании. Хорошо иллюстрирует данный тезис стихотворение Д. Кугультинова «Дайте, дайте первую удачу!..», в котором удача выступает как вынесенное за пределы «Я», объективированное явление, обладающее некоей божественной сущностью:

Дайте, дайте первую удачу!
Пусть в себя поверит человек!
Пусть в приливе радости горячей
Ощутит себя потомком всех,
Кто творил, кто сделал мир богаче...
Дайте, дайте первую удачу!

Дайте, дайте первую удачу!..
Чтобы, гордость юную не пряча,
Человек, как молодой орел,
Прянул в небо и себя обрел,
Путь свой во вселенной обознача!..
Дайте, дайте первую удачу!

В человеческой истории удачливый вождь-воитель, купец, политический деятель или делец есть возвышенное выражение преобладающего в психологии индивида садистского компонента — способности насиловать социальную реальность («наматывать на руку волосы удачи»), изменять ее в соответствии со своей волей. И наоборот, сформированная психика с преобладанием мазохистского комплекса дает человека, который, хотя бы сознательно и стремился к достижению поставленной цели, не способен это сделать именно в силу того, что его мазохистское подсознание противостоит самой возможности произвольного изменения реальности. Как мы уже видели, в первом случае возникает ассоциация с мужским качеством (в китайской философии «янь» — активное, твердое), а во втором — с женским (в китайской философии «инь» — пассивное, мягкое), как началом страдательным. Правители-реформаторы, что особенно характерно для русской истории (Иван IV, Петр I), являются перед нами выказывающими свою садистскую (уже в прямом смысле) сущность. С именами правителей-неудачников, психологических мазохистов связаны промежуточные эпохи и гибель династии (Федор Иоаннович, Петр III, Николай II).

Садомазохистский комплекс — явление не только индивидуальной психологии. Это и компонент социальной ментальности, которая также подвержена колебаниям между садизмом и мазохизмом, производным от цивилизованного табуирования фаллического культа и социокультурных условий сексуального поведения. В качестве попытки иллюстрации механизма действия, процесса колебаний можно рассматривать постановку Романа Виктюка «Адский сад». Здесь и суэта вокруг Фаллоса, и сексуальные фобии, и уничтожение священного Фаллоса... [7].

Беспримерная жестокость средневековья (казни при массовом стечении народа и т.п.) призвана была удовлетворить садистские наклонности толпы, возбуждаемой кровавым зрелищем. То же самое, в еще больших масштабах мы видим на аренах амфитеатров в Древнем Риме, и в общем-то с тем же самым результатом. Средневековье от подавленной сексуальности и производного от нее садизма приходит к критическому состоянию вследствие освобождения сексуальности внутри самой римско-католической церкви и не менее распущенных сатанинских культов светской власти. Нравы церкви живописует Вольтер в сатирической поэме «Орлеанская девственница». О существовании и распространении в среде средневековой политической элиты сатанинских культов свидетельствует такой факт. Киевский князь Всеволод, укрепляя союз с германским императором Генрихом IV, выдал за него свою дочь Евпраксию (1089 г.). Русская кряхна стала немецкой императрицей под именем Адельгейды. Муж оказался человеком без предрассудков и привлек к участию в «черных мессах» свою жену, дабы на ее голом теле служить кощунственные обедни. Но то, что немкам, бургундкам или итальянкам казалось очень лестным, у русской женщины вызвало отвращение,— жена бежала от мужа к его противнице, графине Матильде. Матильда переправила ее в Рим. Папа римский принял Евпраксию и, дав ей отпущение вынужденного греха, отправил несчастную обратно на Русь. Княжна, вернувшись в дом отца и имея все возможности устроить свою жизнь, пошла в монастырь около Чернигова, где и закончила свои дни. Ее впечатления оказались настолько омерзительны, что жизнь потеряла смысл.

Общеизвестный разврат римской курии и развращенность светской власти имеют следствием отклонение социальной психологии в сторону преобладания мазохистских элементов. Это порождает в рамках самой церковной организации людей, готовых пострадать за истинную веру Христову и объединяющихся со временем под знаменем протестантизма. С другой стороны, очевидны мазохистские устремления светской власти, воспринимающей как возмездие, как гнев Господень в конце концов торжествующие революции. Здесь видна социально-психологическая подоплека: религиозная и светская власти в своем неофициальном, партикулярном существовании отбрасывают цивилизационно-культурные табу и тем самым провоцируют идеологическое и революционно-политическое изменение наличествующих цивилизационно-культурных форм.

Римская империя на финише своего исторического развития еще более ярко иллюстрирует чрезвычайно интересное зрелище всеобщего мазохизма. Не отказываясь от того, что сделано исторической наукой в исследовании причин гибели этого «динозавра» древнего мира, необходимо, по нашему мнению, вернуться к представлениям самих жителей империи, которые видели первопричину в нравственном падении. Надо обратить внимание и на фрески из Помпеи с изображением коитуса и достаточно натуралистическим видом Приапа, и на восприятие партикулярной культуры. Распущенность римской блудницы воспринималась современниками как роковой недуг, по вине которого Риму неизбежно пасть. И дело не только в том, что эта христианская трактовка дана по аналогии с иудео-христианским мифом о Содоме и Гоморре, где торжество разврата также привело к божественному, священному гневу, сколько в человеческом чувстве нормального общественного соотношения цивилизационно-культурных табу и партикулярной жизни. Древние греки изображали на вазах коитус и разнообразные сексуальные позиции, но именно древнегреческая культура внесла немалый вклад в формирование цивилизационно-культурных табу.

Освобождение фаллического культа означает снятие этих табу, а следовательно — антицивилизацию. Исчезают цивилизационно-культурные формы проявления бессознательного, а вместе с тем энергия действия выплескивается в естественно-животное поведение. Гаснут наука и искусство, падает созидательная политическая активность. Осознание этого приводит к возникновению комплекса вины, наслаивающегося на комплекс мужской неполноценности, как мы видели, связанный с фаллическим культом. Вместе они дают ощущение неизбежности наказания и готовности к нему. В этом плане деятельность нашумевшего у нас «белого братства» вполне объяснима с изложенных позиций.

Примечательный исторический феномен. На аренах цирков Древнего Рима голодные львы, вызывая садистское наслаждение возбужденной толпы на трибунах, разрывают и пожирают христиан, но после окончания представления очередная часть зрителей идет принимать крещение, чтобы стать жертвой следующего кровавого пиршества диких животных. Мазохистский комплекс постепенно берет верх над своей садистской ипостасью. Нашествие варваров в Древнем Риме мыслится как ожидаемая и как желаемая реальность. Империя переходит к оборонительным боям на своих безмерных границах, а легионеры, вступая в сражение, уже уверены в неминуемом поражении, как и их полководцы. Если иной раз и выигрываются битвы, то за счет самих же варваров, нанятых империей на военную службу...

Все сказанное выше требует определенного уточнения, ибо может сложиться впечатление, что авторы стремятся перевернуть всю историю и представить ее в виде исключительно сексуальной проблематики, в особенности же проблематики фаллической. Однако в нашу задачу входило показать, что существует почти невозделанный ни исторической, ни психологической науками пласт психоисторических (в терминологии А. Азимова, хотя и в другом смысле) проблем, исследование которых позволяет по-иному взглянуть на социальные процессы. Экономические, технологические, политические и даже современные социологические и социально-психологические подходы к изучению общественной реальности не в силах исчерпать ее сложность без погружения в мир ментальных и чаще всего неосознаваемых (дезактуализированных) образов и моделей реальности, которые все же высвечивают себя в совокупном продукте человеческой деятельности.

Цивилизация, как, надеемся, нам удалось показать, подавляет в целях самосохранения не только древний фаллический культ, считая его неприличным и выбрасывая его в сферу партикулярной жизни, но также и попытки его осмысления. Чем жестче цивилизация, тем ближе она продвигается к состоянию тоталитаризма, тем явственнее ее подавляющая сила

в отношении к этому феномену культуры, но тем больше он процветает в партикулярной жизни самой правящей элиты. Напротив, в демократическом обществе из сферы частной жизни этот древний культ прорывается в жизнь общества. Очевидно, что современная цивилизация XX века балансирует над пропастью — либо падение в откровенный и всеобщий разврат с культивированием фаллоса в общественную жизнь, либо беспардонное вторжение официальной власти в партикулярный мир личности и тотальное насилие над ней.

Мир Запада, а теперь и капитализированного (европеизированного) Востока, достаточно близок к первому варианту. В России длительное время фаллический культ подавлялся, но временами все же прорывался из партикулярной в общественную жизнь. Вспомним А.С. Пушкина с его балладой «Тень Баркова» [8].

Современная Россия получила широчайший прорыв в большей мере негативных черт фаллического культа во все сферы общественной жизни. Причем, общественное, сознание еще не выработало рецепта в решении проблемы. Есть понимание того, что запретами ничего не добьешься, но и нельзя обойтись без запретов. Люди имеют право знать обо всех девиантных формах: гомосексуализме, пигмалионизме (влечение к предмету), педофилии, эфебофилии, геронтофилии, зоофилии, фетешизме, трансвестизме, транссексуализме, инцесте, нарциссизме, некрофилии, чтобы вырабатывать культурно-приемлемые реакции на них. Эротическое — элемент культур, но лишь один из многих. Оно должно найти свою знаковую форму выражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Елинек Я.* Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1985. С. 416.
2. СПИД-инфо. 1994. № 7. С. 34.
3. Сексология: энциклопедический справочник по сексологии и смежным областям. Минск, 1993.
4. *Ефимович Н.* Курская губа — не дура (провинциальная хроника) // Комс. правда. 1993. 4 дек.
5. Стоит статуя // Комс. правда. 1993. 2 дек.
6. *Кимура Д.* Половые различия в организации мозга // В мире науки. 1992. № 11—12. С. 73—80.
7. *Могутин Я.* Виктук убивает наповал // Независимая газ. 1994. 5 янв.
8. Русская альтернативная поэтика. М.: МГУ, 1990.